

Б. В. Васильев

**ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
В РУССКОМ НЕОЛИБЕРАЛИЗМЕ**

Современное российское юридическое сообщество все более осознает необходимость изучения и преподавания философии права, которая является не только основой культуры правового мышления, но и действенным средством преодоления юридического догматизма. В то же время следует отметить дискуссионность вопроса о предмете философии права, которая традиционно обусловлена существованием двух фундаментальных правовых парадигм — позитивистской и естественно-правовой. Позитивистская парадигма предметом философского исследования всегда имела позитивное право, право реально действующее. Исходя из этой методологической установки, позитивисты игнорировали связь правотворчества с его запросами о желательном праве, удовлетворяющем известным критериям справедливости и нравственности. Вопрос о справедливости права, как утверждал в XIX в. немецкий правовед позитивистской ориентации А. Меркель, для юриста имеет такое же значение, как для географа вопрос, “разумно ли, что истоки Рейна находятся в Альпах”¹. Отличительная особенность позитивистско-правовых учений состояла в радикальном отрицании всякого объективного правового начала (идеи права, сущности права) вне закона (позитивного права). Характерное для юридического позитивизма отождествление права с системой законов вело к политической сервильности юристов, рекомендующих обществу в качестве права то, что в действительности есть лишь воля власти, осуществляющей законодательные функции.

Такому правопониманию в истории философско-правовой мысли всегда противопоставлялся метафизический подход к праву, ставящий вопросы о смысле права, об оценке юридических законов с точки зрения разумно-этических начал. В связи с этим представляет интерес понимание предмета философии права у русских либералов конца XIX — начала XX в., реализовавших концепцию неолиберализма в контексте естественно-правовой парадигмы. Формирование неолиберализма как заключительно-

го этапа эволюции отечественного либерализма было вызвано необходимостью обоснования последнего в новых для него социально-исторических условиях в сторону социализации, что дополняло классическую формулу признания и уважения индивидуальных прав человека "правом на достойное существование". У таких представителей русской неолиберальной мысли, как Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой и др., предметное определение философии права получило глубокую концептуальную разработку.

Эволюция представлений русских философов неолиберальной ориентации относительно понимания предмета философии права учитывала основные тенденции в развитии европейской философско-правовой мысли XIX — начала XX в. В первой половине XIX столетия в правоведении происходят важные изменения, связанные с переходом от метафизических позиций на научно-позитивные. Началу этих изменений послужило появление исторической школы Савиньи и Пухты, важнейшим принципом которой стал историзм в подходе к изучению права. Как отмечал П. И. Новгородцев, необходимость исторического изучения права возникла "на почве чисто теоретических стремлений" к исследованию причин явлений, что требует обращения к историческому методу². В результате этого была подвергнута критике доктрина естественного права за положения о произвольном установлении права и о возможности нахождения системы правовых норм, одинаково пригодных для всех времен и народов. В вопросе о происхождении права русские философы неолиберальной ориентации разделяли основную мысль исторической школы права об органическом развитии юридических норм из национального самосознания, о необходимости соответствия положительной системы права уровню национального правосознания. В то же время они выступали против утверждений представителей исторической школы о произвольном и естественном развитии права. "Восставая против учения естественного права, — писал Е. Н. Трубецкой, — сторонники исторической школы думают в истории найти подтверждения и доказательства своего учения. Но суд истории высказывается против их: история показывает, что всякий прогресс положительного права обусловлен критическим отношением к нему, а такая критика возможна только на почве правового идеала. Естественное право в качестве такого критерия действующего права играет в истории роль такого основного двигателя, без которого невозможно прогрессивное движение"³.

Вторая важнейшая тенденция в развитии европейской фило-

софско-правовой мысли, повлиявшая на формирование предмета философии права русского неолиберализма, была связана с концепцией "возрожденного естественного права". Русское правоведение конца XIX в., несмотря на различные методологические течения (социологическое, позитивно-догматическое), в основном представляло собой юриспруденцию положительного права. И хотя одни (представители позитивно-догматического направления) полагали, что норма права есть продукт государственной власти, а другие (социологическое течение в русской правовой науке) утверждали, что истинным творцом норм права надо признать общество, а роль государства сводится к охране этих норм путем принуждения, в предметном понимании права наблюдалась общность, поскольку право мыслилось как положительная норма, обусловленная государственным принуждением. В 90-х гг. XIX в. в Европе и России происходит кризис государственной теории права, затронувший предметные воззрения на право и государство. Причиной этого кризиса была неспособность позитивистской методологии теоретически обосновать пути и средства прогрессивного социального реформирования, в результате чего право перестало играть роль конструирующего принципа, создающего новую общественную жизнь.

Выход из кризиса русские неолиберальные философы видели в идее "возрождения естественного права". На место суверенитета государственной власти был выдвинут суверенитет права, которому должно подчиняться и государство. Государственному повелению как источнику права было противопоставлено веление нравственного сознания личности. В своей магистерской диссертации П. И. Новгородцев подчеркивал, что важной причиной существования естественно-правовой идеи является постоянное стремление к нравственной критике положительных установлений. Естественное право противопоставлялось праву положительному как идеал, создаваемый ввиду несовершенств положительных установлений. "Эти несовершенства права, — отмечал П. И. Новгородцев, — встречаясь с постоянным стремлением человека способствовать его нравственному совершенствованию, — всегда с неизбежностью вызывали те идеальные построения, которые известны под именем естественного права. Подобные построения представляют собой протест нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка"⁴.

На базе изучения исторического опыта естественно-правовой идеи П. И. Новгородцев пришел к выводу, что "... интерес при исследовании идеи естественного права должен быть пере-

ставлен от вопроса об условиях правообразования к проблеме о самостоятельном значении нравственной оценки явлений"⁵. Исходные данные для оценки общественного развития, отмечал П. И. Новгородцев, не могут быть взяты из самой истории, поскольку историческая наука говорит о том, что есть и что было, но она ничего не говорит о том, что должно быть. "Но если историческая теория, если социологические обобщения оставляют нас без твердых указаний относительно путей будущего, у нас есть один источник, непререкаемый и властный, который дает нам уже не указания только, а категорические веления, не условные советы, а безусловные предписания. Этот источник есть нравственное сознание. Мы не можем сомневаться в том, что лучше: свобода или рабство, правда или неправда, равенство или неравенство, право или произвол. На все это у нравственного сознания есть один ясный и твердый ответ"⁶. Таким образом, только в области нравственного сознания могут быть почерпнуты надлежащие для оценки истории начала. Выяснение этих начал применительно к праву и выполняет школа естественного права.

В то же время концепция "возрожденного естественного права" учитывала результаты критики прежней доктрины естественного права с ее учением о произвольном установлении права, идеей единого и неизменного естественного права, одинаково пригодного для всех времен и народов, стремлением придать субъективным правовым идеалам непосредственное юридическое значение. Устанавливая связь "возрожденного естественного права" с опытом исторической и позитивной школ, П. И. Новгородцев констатирует, что "... в течение исторической жизни открываются зародыши новых отношений, а вместе с тем и основания для построения идеального права"⁷. Вместе с тем новое направление философии права, выступающее под лозунгом "возрожденного естественного права", отрицая возможность идеального правопорядка, который был бы годен везде и во все времена, сходится со старой школой естественного права в одном — в априорности построения идеала права. "Требуется, — писал П. И. Новгородцев, — именно возрождение естественного права с его априорной методой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением"⁸.

По Новгородцеву, главный недостаток прежней философии права, базирующейся на доктрине неизменного естественного права, заключался в неумении найти границы для понятия права. В контексте этой доктрины действительность имела право на

существование лишь постольку, поскольку она могла быть логически выведена и логически оправдана с точки зрения естественного права. Последнее представлялось в виде целого кодекса правил, выводимых априорно, причем все то, что не согласуется с этим кодексом, должно быть упразднено как противоречащее разуму. "При той формулировке, которую дала понятию естественного права основанная Гроцием естественная школа, — писал Е. Н. Трубецкой, — оно прозигт совершенно заменить собою право положительное"⁹. Сторонники исторической и позитивной школ в правоведении отбросили идею естественного права и центр внимания перенесли в область положительного права. "Однако более внимательное изучение предмета, — отмечал П. И. Новгородцев, — показывает, что естественное право представляет собою неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права. Можно сказать даже, что по своей идее это и есть сама философия права"¹⁰. В этом случае естественное право выступает как основой положительного права, придавая ему этическое обоснование, так и критерием его оценки, а также фактором прогрессивного развития права.

В философии права, утверждал Е. Н. Трубецкой, должны найти примирение два односторонних воззрения: утверждение, что кроме права положительного существует вечная идея права, которая должна лежать в его основе (тезис идеализма), и понимание права как результата исторического развития человека и общества (тезис позитивизма). Вопрос о естественном праве является, по его мнению, центральным вопросом философии права. Понимая естественное право как "синоним нравственно должного в праве", Е. Н. Трубецкой непреходящее требование естественного права видел в том, что "... естественное право предписывает, чтобы внешняя свобода лица всегда была ограничена свободой других лиц в той именно мере, в какой этого требует добро"¹¹. Согласно П. И. Новгородцеву, задача выяснения идеальных начал правообразования связана с необходимостью возрождения школы естественного права. Сущность естественного права он видел в "этическом критицизме", т.е. в стремлении оценивать факты существующей правовой реальности с этической точки зрения. Но именно в этом и состоит задача философии права.

Б. А. Кистяковский приходил к выводу о невозможности создания единого научного понятия права, поскольку гуманитарные науки, которые признаются исходными для построения науки о праве, не представляют собой единой и целостной области научного знания. Он отмечал амбивалентность самой идеи

права, включающей как позитивный компонент, так и "сверх-позитивную" составляющую, с одной стороны, соединяющей элементы трансцендентальной первичности в праве, с другой — отрицающей за понятием права статус лишь этической и познавательной категории, как это утверждал Кант. Задача ориентирования науки о праве возможна посредством синтеза, осуществляемого философией. "... Для того, чтобы наука о праве была методологически правильно построена, она должна быть ориентирована не в той или иной гуманитарно-научной дисциплине и не во всей совокупности их, а прежде всего в философии культуры и только при посредстве ее во всей сумме гуманитарных наук, объединенных при помощи философии в цельную систему научного знания"¹². Результатом этого синтеза должно быть не определение какого-то нового понятия права, а постижение смысла права, что неизбежно выводит науку о праве в область философии права. Таким образом, Б. А. Кистяковский выступал против двух крайностей в предметном определении философии права: против "чисто метафизического" понимания права как совокупности априорных принципов, функционирующих исключительно в сфере духа, и позитивистского подхода, ориентировавшегося на изучение существующего положительного права вне идеальных оснований.

Рефлексия о предмете философии права в русском неолиберализме была тесно связана с философско-правовыми взглядами Канта и Гегеля. Предмет философии права, по Канту, — это естественное право как идеальное и нравственное понятие, как право, основанное на принципах разума, априорных по своей сути. Естественное право трактовалось у русских неолиберальных философов преимущественно с позиций кантовского априоризма. Согласно П. И. Новгородцеву, главное в естественном праве — "этический критицизм", основы которого были разработаны Кантом в "Критике практического разума". Заслугу Канта он видел в утверждении в его доктрине философии права нормативного начала и указании основы сущности естественного права в самозаконном нравственном сознании. По мнению русских неолиберальных философов, именно с Канта можно говорить о формулировании идеи права в ее целостности, поскольку до Канта в предшествующей философско-правовой мысли преимущественное внимание обращалось на значение права для общества, связь права с высшим этическим порядком, т.е. на объективный элемент правовой идеи. И только Кант дал философское обоснование самоцельности личности и ее нравственной автономии, т.е. обратил внимание на субъективный элемент идеи права.

В то же время русские неолиберальные философы видели существенный недостаток философско-правовой конструкции Канта в особой форме нравственного априоризма, согласно которой воля имеет законодательное значение только для чистого разума, мораль берется как закон разума, не только не требующий, но и не допускающий никакого соотнесения с опытом. Тем самым разрывалась связь между нравственным законом и действительностью и утверждалась почва для нравственного субъективизма. В итоге проблема отношения личности к обществу, служащая преддверием к философии права, получала одностороннее разрешение. Поскольку формальный характер кантовского учения о морали оставлял "личность как абсолютную цель" абстрактным идеалом нравственной воли, постольку необходимо было обратить внимание на осуществление нравственности в истории, а следовательно, обратиться к философии права Гегеля.

Задачей своей "Философии права" Гегель ставил переход от абстрактного закона личной нравственной воли к общественной стороне морали. При этом личность ставилась в связь с обществом как необходимым условием для ее развития. Для Гегеля предметом изучения философии права была идея свободы в ее реализации в переходящих исторических условиях положительного права. Этот предмет есть идея права, совпадающая по смыслу с естественным правом, поскольку последнее имеет своим предметом разумное понятие права и его осуществление¹³. Сама проблема естественного права рассматривалась у Гегеля в ее практической постановке, в сочетании нравственного начала с условиями общественного развития. При этом общественная сторона нравственной проблемы выступает как требование естественного права. Тем самым устраняется противоположность между идеальными началами и действительностью. Неолиберальные философы акцент делали на том, что у Гегеля естественное право есть идеальная основа положительного права, а следовательно, не противопоставляется ему, а составляет его идеальную сущность, основу и вместе с тем фактор его исторического развития.

По существу задачи "Философии права" в философско-правовых построениях Гегеля преобладающее значение приобрел элемент общего, следствием чего явилось то, что принцип личности выступал лишь в качестве подчиненного момента целого. В этом пункте гегелевское воззрение встретило возражение со стороны русских неолиберальных философов, стремившихся отстоять принципы самоценности свободы и нравственной автономии личности как центральный пункт своей либерально-правовой

доктрины. В итоге они приходили к выводу о дополнении идей Канта о необходимости рассмотрения права с точки зрения идеальной цели взглядами Гегеля, который акцентировал внимание на воплощенности нравственности в жизни и от абстрактного закона личной нравственной воли переходил к общественной стороне морали. Как подчеркивал П. И. Новгородцев, "субъективное направление Канта, при одностороннем его развитии, может привести к отрицанию необходимости общественного прогресса нравственности, к утверждению, что достаточно одних личных усилий для создания нормальных нравственных отношений. Объективное воззрение Гегеля может клониться к другой крайности — к подчинению личного момента общественному и к забвению той грани, которая должна лежать между идеей общественной организации нравственности и принципом нравственной автономии... Правильное отношение состоит в их сосуществовании и взаимном признании"¹⁴. Как предмет философии права идея права должна содержать два элемента: объективный — связь права с высшим этическим порядком и субъективный — принцип личности. Такое понимание предмета философии права не допускало ни превращения личности в средство для общественных целей, ни превращения общества в средство для благополучия личности.

Таким образом, неолиберальные философы рассматривали философию права как философскую науку, к сфере которой относятся вопросы уяснения сущности и ценности права, тесно связанные с пониманием природы человека. При этом они выступали против трактовки философии права как только распространения общих философских положений на правовую проблематику, а также против превращения философии права в общую теорию права. На наш взгляд, изучение идейного наследия русской неолиберальной философско-правовой мысли может оказать положительное влияние на развитие отечественного правоведения. Как отмечал русский либеральный правовед И. В. Михайловский, для юриста "... философия права есть нить Ариадны, чтобы он не запутался в лабиринте правовой жизни"¹⁵.

¹ См.: Меркель А. Сила и право. Одесса, 1895. С. 5.

² См.: Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 35.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 82.

⁴ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. С. 14–15.

⁵ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 30.

- ⁶ Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 305.
- ⁷ Новгородцев П. И. История философии права. М., 1897. С. 165–166.
- ⁸ Новгородцев П. И. Из лекции по общей теории права. М., 1904. С. 12.
- ⁹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰ Новгородцев П. И. История философии права. С. 161–162.
- ¹¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 68–69.
- ¹² Кистяковский Б. А. Методологическая природа науки о праве // Радбрук Г. Введение в науку права. М., 1915. С. XV.
- ¹³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 384–385.
- ¹⁴ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 352.
- ¹⁵ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 82.

Г. Н. Мокшин

КОНЦЕПЦИЯ “НАРОДА” В СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ РУССКОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Отмена крепостного права в феврале 1861 г. поставила в центр внимания правительства и всего русского общества вопросы о народе, его материальных средствах и умственном развитии, об истинном смысле его прошедшей истории и существенных потребностях в настоящем. “Все, кому дороги судьбы и интересы русского государства и народа, очень хорошо знают и понимают, — писал о пореформенном времени К. Д. Кавелин, — что от экономического, умственного и нравственного состояния 4/5 народонаселения зависит весь наш быт. В каком положении находятся крестьяне, в таком положении будут и образованные классы”¹.

Революционный лагерь, как известно, подвергал реформаторскую деятельность правительства уничтожающей критике. “Пусть земство, общества сельских хозяев, правительственные комиссии, — читаем у П. Л. Лаврова, — толкут воду, говорят речи и пишут отчеты об “улучшении крестьянского быта”, о “содействии сельскому хозяйству”... Жалкие орудия жалкого общества; они не хотят, да и не могут посмотреть прямо в глаза вопросу... Он будет поставлен и решен другими”². Народники не без оснований полагали, что при существовавших тогда экономических условиях добиться коренного улучшения в положении крестьянства было невозможно. Народный вопрос по преимуществу социальный и, по их мнению, требовал для своего решения перестройки всего общественного здания и установления в нем